

Снітько Д. Ю. Соотношение человеческой бездеятельности и «не-деяния» в истории философии // Материалы Международной научной конференции «Императивы творчества и гармонии в проектировании человекомерных систем. – Республика Беларусь, г. Минск, 15-16 ноября 2012. – С. 12–14.

УДК 1 (091)

Співвідношення людської бездіяльності і «не-діяння» в історії філософії
Дмитро Юрійович Снітько

У тезах аналізується співвідношення феноменів бездіяльності і не-діяння на предметі історії філософії. Автор доводить, що дані феномени не можна ототожнювати і обидва заслуговують на окрему увагу. Особлива увага акцентується на екзистенційних аспектах даного співвідношення.

Ключові слова: діяльність, бездіяльність, не-діяння, екзистенція.

Снітько Дмитрий Юрьевич. Соотношение человеческой бездеятельности и «не-деяния» в истории философии.

Автор анализирует соотношение феноменов бездеятельности и не-деяния на предмете истории философии и показывает, что данные феномены нельзя отождествлять и оба заслуживают отдельного внимания. Особое внимание акцентируется на экзистенциальных аспектах упомянутого соотношения.

Ключевые слова: деятельность, бездеятельность, не-деяние, экзистенция.

Dmytro Yuriyovich Snit'ko. Relationship of human inactivity and “inaction” in the history of philosophy.

The author consider the phenomenon of human inactivity and it relation with “inaction” concept.. Special attention concentrated on the existential aspects of relations with the human activity, “inaction” and inactivity.

Keywords: activity, inactivity, “inaction”, existence.

В контексте проблем творчества нужно обратить внимание на феномен, противоположный творчеству – на человеческую бездеятельность. В современном мире практически каждое общество сталкивается с проблемой уклонения человека от различной деятельности и его ухода в не требующие волевых, сознательных усилий формы активности (пассивное потребление и инертность во всех сферах жизни личности).

Для четкого понимания упомянутого явления необходимо различать такие понятия как «не-деяние» и «бездеятельность». Необходимость различения упомянутых феноменов и понятий актуализируется тем, что очень

часто концепт «недеяния» отождествляется с бездеятельностью, в то время как некоторые авторы настаивают на ошибочности подобного подхода [1, с. 78–79].

Известно, что концепт «не-деяния» своими корнями восходит к восточной традиции. Наиболее четко это понятие прослеживается в даосской философии, где концепция «не-деяния» (у-вэй) ставится в центр в качестве жизненной стратегии даоса.

Однако уже в даосизме происходит размежевание не-деяния и бездеятельности как способов существования человека. Так, даос, пребывая в не-деянии, не бездействует, поскольку всегда сосредоточен, собран, решителен и готов действовать при необходимости, в то время как бездеятельный человек обладает чертами вялости, слабости и нерешительности [2, с. 17, 19]. Не-деяние предстает как уменьшение внешней деятельности индивида и перенесение акцента на внутреннюю, духовную активность, тогда как бездеятельный человек пренебрегает этим, сосредоточиваясь на внешней активности.

Похожая ситуация в понимании человеческой бездеятельности была и в Античности. Древние греки знали два вида человеческой бездеятельности: во-первых, это бездеятельность именно как лень и сосредоточение на примитивных, физиологических потребностях (*aergia*); во-вторых, бездеятельность как созерцание истины и уклонение от активной практической деятельности (*skhole*) [3, с. 99]. Таким образом, не-деяние как созерцательная деятельность однозначно отделяется от человеческой лени и инертности.

Еще одним важным моментом в размежевании бездеятельности и созерцательной активности человека (не-деяния) в античной философии является понимание деятельности в качестве способности индивида сознательно заботиться о своем собственном бытии. Аристотель говорит о практике именно как о такой деятельности, противопоставляя ее бездеятельности как утрате личностью способности заботиться о своем бытии.

Бездеятельность понимается как перманентное следование биологическим позывам, привычке и отсутствие сознательного выбора и решения [4, с. 75, 101; 5, с. 646].

Подобное двойное понимание человеческой бездеятельности сохраняется также и в эпоху Средневековья, что можно видеть на примере размышлений Ф. Аквинского [6, с. 69]. Однако, в эпоху Ренессанса происходит некое грубое обобщение представления о человеческой бездеятельности – было отвергнуто деление феномена бездеятельности на лень и созерцание, и, отныне, бездеятельным и достойным порицания оглашались как мыслитель, занятый делом созерцания истины, так и откровенный бездельник. В работах К. Салютати, Б. да Сиены, Л. Бруни, Д. Бруно, М. Лютера открыто превозносилась ценность мирской деятельности, труда, тогда как созерцание у названных авторов теряет свою ценность и считается уделом «небесной» жизни [7, с. 64, 68, 70, 72].

Причины подобного отношения к созерцанию (не-действию) неизвестны, однако долгое время в классической европейской философии на первый план выводился именно активный субъект, человеческая практика, в то время как феномен бездеятельности оставался вне поля зрения философской мысли.

Но все же, с появлением неклассической философской мысли внимание к человеческой бездеятельности было возобновлено. С. Кьеркегор, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, З. Фрейд обратились к осмыслению человеческой бездеятельности в таких ее проявлениях как скука, лень, апатия, меланхолия и др., четко размежевывая их от созерцательной активности мышления.

В XX веке работы М. Хайдеггера, Г. Марселя, Ж.-П. Сартра, Х. Арндт, Э. Фромма продемонстрировали возрождение интереса к проблеме человеческой бездеятельности, осмысливаемой теперь в контексте заботы человека о собственном бытии как своем проекте. В данном случае, бездеятельность человека понимается как *несобственное* бытие, характеризующееся «падением» в общепринятое и легкодоступное. Бездеятельности в указанном смысле противопоставляется именно забота о

собственном бытии, которая часто понимается как возвращение к самому себе через саморефлексию. Последнее представляется возможным именно как реализация стратегии не-деяния, ибо возвращает человека «назад в тишину самого себя» [8, с. 296]. В данном случае, можно провести параллели с даосской концепцией не-деяния, в которой, напомним, речь также шла о сведении внешней активности человека лишь до необходимой, с одновременным перенесением акцента на внутреннее созерцание.

Таким образом, можно с полной уверенностью сказать, что бездеятельность в качестве ддящегося феномена, способа бытия человека является более широким понятием, чем «не-деяние» или «созерцание». Бездеятельность можно понимать как в *позитивном*, так и в *негативном* смысле: в первом случае бездеятельность предстает как не-деяние, созерцание, сознательное усилие, направленное на познание и преобразование, «творение» самого себя; в негативном же смысле, бездеятельность может быть представлена через такие феномены как скука, лень, безделье, апатия, потребительство и инертность, что, в общем, характеризуется отказом человека от усилий и творчества в отношении самого себя и своего бытия и радикальным образом отлично от не-деяния.

Литература

1. Иванов, В. Г. История этики древнего мира. – Л., 1980.
2. Лао-Цзы. Дао-Дэ-Цзин / под ред. В.В.Антонова. – Одесса, 2008.
3. Арентт, Ганна. Становище людини / пер. з англ. М. Зубрицька. – Львів, 1999.
4. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения: В 4-х томах. Т. 4 / пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Доватура. – М., 1983. – С. 53–293.
5. Аристотель. Поэтика // Аристотель. Сочинения: В 4-х томах. Т. 4 / пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Доватура. – М., 1983. – С. 645–680.
6. Фома Аквинский. Сумма Теологии. (Часть II-I. Вопросы 1–48). – Киев, 2006.

7. Гарэн, Э. Проблемы итальянского Возрождения / пер. с итальянского. – М., 1986.

8. Хайдеггер, М. Бытие и время / пер. с немецкого В. В. Бибихин. – М., 1997.